

струироваться не на основе «цитат из источников», а исходя «из логики развития архаических институтов»²⁷ (заметим, логики, предложенной без опоры на какие-либо источники вообще), для меня неприемлемы. Кроме проекции ментальности в нарративной традиции есть еще и проекция фактов, в трудах же современных постмодернистов, свысока относящихся к «вторичному нарративу» античной традиции²⁸ имеется только проекция их собственной ментальности – ментальности людей, превращающих науку в объект произвольных манипуляций.

В целом публикации в русле поиска античных истоков европейской идентичности в историографии последнего пятилетия отчетливо делятся, как мне представляется, на два пласта: 1. Сугубо умозрительные построения более социологического или политологического характера, когда какая-то черта античности берется как данность, не изучается и не аргументируется, а «в готовом виде» сопоставляется с современностью (и понимается при этом нередко как точная аналогия современному явлению). 2. Конкретно-исторические построения, когда авторы стремятся, отгалкиваясь от современных реалий, выяснить их первоосновы на античном материале, не уподобля друг другу явления разных эпох, все-таки во многом не тождественные. Только второй пласт дает собственно научные выводы антиковедческого характера, и именно он, по всей видимости, останется в числе сколько-нибудь значимых историографических результатов.

В.В. Дементьева

© 2008 г.

Т.В. КОРНИЕНКО. Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб.: «Алетейя», 2006. 206 с. Приложение. 103 рис.

Вторая половина прошлого века и начало нового, XXI, явились звездным часом для переднеазиатской археологии в области изучения неолита. Старым представлениям о невысоком уровне развития культур ранних земледельцев был положен конец раскопками в 1950-е годы Чатал-Хююка (Турция). Тогда стало ясно, что уже на более или менее ранних этапах становления производящего хозяйства обитатели поселений, существовавших на одном месте многие сотни лет, не только возводили постройки, сложные с точки зрения строительной техники, но создавали в них изображения ритуального характера. Стенописи и рельефы наряду с антропоморфной пластикой, разнообразными каменными и деревянными изделиями, свидетельствами сложных обрядов, в том числе погребальных, высокий уровень производства и обмена заставили по-новому взглянуть на культуру людей, населявших в VII–VI тыс. до н.э. регион возникновения земледелия, скотоводства, различных производств, оседлого образа жизни и всего того, что привело к формированию первых цивилизаций.

Раскопки следующих десятилетий на территории Турции, Иордании, Сирии, Ирака показали, насколько разнообразны были неолитические культуры в разных регионах во время, предшествовавшее культуре Чатал-Хююка. Особый интерес представляют исследования на востоке и юго-востоке Турции, связанные с охранными работами, проводившимися перед строительством крупных гидротехнических сооружений. Хотя из-за нехватки времени не было возможности систематически раскапывать объекты, полученные материалы были очень важны, в частности потому, что позволили выявить специфику культуры обитателей горных долин и предгорий, среда обитания которых отличалась от степей и лесостепей сиро-палестинского региона (на исследованиях этих памятников в течение немалого времени основывались реконструкции становления производящего хозяйства в Передней Азии). Тщательный анализ новых находок – безусловное достоинство рецензируемой монографии. Их исследование следует приветствовать особенно в связи с тем, что в силу известных обстоятельств зарубежные публикации не всегда доступны даже читателям крупнейших библиотек нашего отечества. Благодаря этой работе, изданной относительно небольшим тиражом (1000 экз.), те, кто не занимается специально дописанными древностями Переднего Востока, в первую очередь преподаватели и студенты,

²⁷ Контев. Ук. соч. С. 45, 49.

²⁸ Там же. С. 45.

обретают возможность получить представление об источниках, чрезвычайно важных для понимания историко-культурных процессов древности.

Достоинством монографии является наличие большого числа хорошо подобранных иллюстраций и карт, выполненных на приемлемом полиграфическом уровне. Она завершается обширной библиографией и резюме на английском языке.

Автор настоящей рецензии, область интересов которого – проблемы мировосприятия ранних земледельцев и их преемников, благодарен случаю обсудить некоторые из существенных вопросов, как возникших давно, так и появившихся в связи с новыми археологическими открытиями.

Т.В. Корниенко поставила целью своего исследования анализ и интерпретацию построек VIII – первой половины IV тыс. до н.э., признаки которых позволяют считать их культовыми или совмещающими функции жилищ и обрядовых сооружений. Объектами послужили постройки из 24 поселений Месопотамии не только дописьменной эпохи, неолита и энеолита, но отчасти и письменного периода. Это объясняется стремлением проследить генезис храмов и храмового хозяйства, игравших в этом регионе значительную роль. По мнению автора, «...широта охвата рассматриваемых свидетельств и особенно ознакомление с результатами последних открытий позволяют уже сейчас увидеть в общих чертах картину формирования традиции культового строительства на территории Месопотамии» (с. 14). Хочется подчеркнуть тщательность описаний структуры построек, внимание к деталям интерьеров, комплексам вещей и следам обрядовых действий. Автор внимательно относится и к материалам, позволяющим реконструировать элементы социальной организации, производства и обмена.

Первая глава, посвященная культовому строительству в эпоху раннего неолита, начинается с обзора природных условий Северной Месопотамии и проблем, связанных с возникновением производящего хозяйства. Т.В. Корниенко справедливо обращает внимание на богатые ресурсы, позволившие значительным группам людей и их сообществам вести здесь оседлый образ жизни еще до широкого освоения земледелия и скотоводства. В связи с этим было бы желательно более четко обрисовать характер хозяйственной деятельности обитателей разных поселений, поскольку она не могла не сказываться на социальной структуре и мировосприятии, чему посвящено исследование.

Очевидно, что переход к производящим формам хозяйства, по крайней мере в первичных очагах его возникновения, был длительным, что, однако, не предполагает отрицание его революционного характера. В связи с этим можно вспомнить, что писал Ф. Бродель об индустриальной революции в Европе. Многие ее предпосылки он относил к весьма далеким от полной реализации временам¹. На фоне такого подхода представляется малопродуктивным введение термина «неолитизация» вместо «неолитическая революция», хотя, как известно, в науке нередко вводятся новые понятия, не меняющие по сути содержание уже существующих.

Заслуживает внимания тезис о том, что «дискуссионным в настоящее время остается вопрос о приоритете духовных или материальных импульсов в процессе неолитизации» (с. 19). Вероятно, эта проблема не так проста, как она может выглядеть с сугубо материалистической точки зрения. В то же время кажется маловероятным, что факторами, определяющими чрезвычайно важные перемены во всех сферах жизни коллективов на позднем этапе собирательства и охоты, могли служить «духовные импульсы». Вряд ли можно сомневаться в том, что с тех пор, как люди стали «разумными», действия и их осмысление, особенно в пору существования целостной, «первобытной» культуры, представляли некое единство (в отличие от культуры нетрадиционных обществ). При этом мотивы действий, разумеется, определялись образным, мифологическим мышлением.

Проанализированные в монографии материалы, как и другие уже имеющиеся данные, показывают, что формирование образа жизни членов раннеземледельческих общин не было единообразным. В значительной степени формы и темпы перехода от «присваивающего» к «производящему» хозяйству зависели от «вмещающей среды» и традиций их обитателей. Бывали ситуации, когда отдельные составляющие полностью сложившегося на основе земледелия и скотоводства уклада возникали раньше других. Так, оседлость и устойчивые формы домостроительства в достаточно сложных формах могли существовать (и такие случаи анализируются в книге) до становления настоящего производящего хозяйства. Формирование социально-престижных отношений и некоторую социальную дифференциацию предполагают в сиро-палестинском регионе еще в условиях господства присваивающего хозяйства². Но сооружение даже таких крупных построек, какие создавались в Иерихоне в докерамическом неолите, вряд ли может указывать на существование централизованной власти и социальной организации, «способных впервые в человеческой истории принять необходимые меры и найти рабочую силу для по-

¹ Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 3. М., 1992. С. 552 сл.

² Шнирельман В.А. *Возникновение производящего хозяйства.* М., 1989. С. 42–43.

добных строительных операций», как полагает А. Мазар (с. 22). Для создания даже мегалитических сооружений, известных по всему миру, совсем не требовалась власть, какой обладали, например, египетские фараоны.

В начале главы I автор останавливается на постройках докерамического неолита А (PPNA), созданных 10200–9600 лет назад. Здесь, как уже говорилось, речь идет о постройках, обнаруженных при сооружении водохранилищ. Признаки особого оформления строений круглого плана прослежены в Гермез Дерэ и Немрике IX в верховьях Тигра. Стены и полы покрывали обмазкой и, что примечательно, в помещениях нет следов бытовых отходов. Их исследователи считают, что сооружения совмещали функции жилищ и святилищ. Об использовании в качестве последних свидетельствуют, быть может, пары стел или деревянных столбов. Это совмещение функций не предполагает четкого разграничения представлений о сакральном, отъединенном от профанного, хотя тенденция в этом направлении уже намечается.

Еще более ранним является поселение Халлан Чеми в Юго-Восточной Турции. Его обитатели не занимались земледелием и только начали одомашнивать скот. Жили они, что характерно для этого времени, в домах круглого плана. В центре поселения находилась вымощенная камнем площадь со следами, предполагающими проведение здесь коллективных трапез. В одном из слоев найдены сооружения, в которых были кости диких животных. Примечательно, что изображениями животных украшались каменные чаши, а условными головками козлов и каменные пестики; все они явно использовались в обрядах. Таким образом, на этом поселении зафиксированы следы обрядов, отправлявшихся на открытой площадке обитателями всего поселения или его части.

В некоторых крупных постройках помимо очагов обнаружены обсидиан и медная руда; следы их обработки найдены в ряде случаев поблизости. В связи с этим исследователи поселения предполагают существование обмена «товарами» на далекие расстояния и связь неординарных построек с «торговлей». Автор углубляет этот вывод, полагая, что неординарные общественные строения могли быть производственными центрами и местами хранения/распределения сырья. На этом основании она делает вывод, что представленные материалы иллюстрируют характерное для древних сообществ совмещение сакрального пространства и значимых для общины видов деятельности. Кажется все же, что для таких далеко идущих выводов оснований пока недостаточно. Но будущие исследования (уже, увы, не на этом памятнике) могут прояснить картину.

Многочисленные постройки, в том числе сложного многоугольного плана, были обнаружены на севере Сирии в Жерф эль-Ахмаре. Большинство их жилые, в некоторых находились широкие каменные скамьи, украшенные геометрической резьбой, и скульптурные стелы, увенчанные условными изображениями. Во многих помещениях сохранились следы совершения обрядов, а в одном перед тем, как оно было сожжено, находились останки человека, возможно, принесенного в жертву. Весьма вероятно существование построек общественного назначения, располагавшихся в отличие от жилых домов на краю поселения. При их сооружении совершали закладные жертвы, а в конце существования их «погребали» с совершением обрядов.

Примечательно, что при переходе к жилым постройкам прямоугольного плана сооружения общественного назначения строили в соответствии с более ранними традициями, что повсеместно характерно именно для построек особого назначения.

В отличие от вышеупомянутого поселения Чейёну Тепеси исследовалось систематически на протяжении 16 сезонов, и результаты не могли не оказаться весьма значительными. Оно находится в холмистых предгорьях Тавра на юго-востоке Турции, и жилые остатки относятся здесь к громадному промежутку времени – от X тыс. до н.э. до настоящего времени. Нижняя фаза характеризуется постройками круглого плана, затем возникают прямоугольные (все они относятся к докерамическому неолиту А). Далее зафиксировано сооружение пяти типов зданий, описание которых не входит в задачи настоящей рецензии. Достаточно сказать, что автор представил его весьма полно. Архитектурные приемы – явное свидетельство умелости местного населения, комбинирующего в постройках камень и дерево. В нижней части находились подсобные помещения и каналы, вероятно, обеспечивавшие вентиляцию построек, следовательно, их долговечность. Особое внимание уделялось вымостке полов, создание которых требовало умения и немалого труда. Зафиксированы случаи ритуального «захоронения» построек, как это практиковалось и в других поселениях.

Некоторые постройки (в частности, так называемый «Дом черепов») существовали на протяжении нескольких строительных периодов. Останки умерших, как это удастся проследить и в других раннеземледельческих поселениях, были объектами сложных и многоступенчатых обрядов. В археологической практике редки случаи, когда их следы прослежены с такой полнотой. Примечательна степень концентрированности захоронений в одной постройке: например, в «Доме мертвых» выявлены останки не менее 400 человек, что составляет приблизительно

70% обнаруженных на поселении. Обращение с останками было различным. Оно предполагает практику как повторных захоронений, так и дифференцированное отношение к останкам умерших разного статуса.

На этом поселении, как и на других в этом регионе, обнаружены каменные стелы, горизонтально лежащие плиты и каменные глыбы, на некоторых, как полагают, были следы человеческой крови. Автор особо останавливается на общественно значимом пространстве, площади (Plaza), явно предназначенной для общественных собраний. Не менее интересен факт расположения общественно значимых построек на краю поселения, как это было уже зафиксировано в Жерф эль-Ахмаре. Они развернуты во вне, а не в сторону поселения, быть может, как предполагает автор монографии, тем самым создавалась граница, защищающая свое пространство от чужого (с. 57). Систематичность исследования памятника позволила больше, чем в других случаях, представить сложность пространственной организации поселения, неоднородность зон внутри него, назначение отдельных зон в пределах построек и существование специализированных сооружений.

Отдельно следует отметить предприимчивость местных умельцев, обрабатывавших обсидиан, медную руду (и получавших одни из древнейших изделий из меди). Участие обитателей в обмеле, в том числе на далекие расстояния, несомненно. Несмотря на отсутствие глиняной посуды, из глины изготавливали грубые тазы. Из глины делали и модели построек, назначением которых, как можно думать, была не только и не столько отработка строительных приемов, сколько использование их в обрядах – лишнее подтверждение того важнейшего значения, которое придавалось жилищу, дому у оседлых земледельцев.

История Невали Чори, поселения на юго-востоке Турции, – одна из археологических трагедий, множество которых происходят по всей Земле ежегодно. Оно исследовалось в течение семи сезонов и, конечно, осталось недоисследованным, будучи затоплено при сооружении плотины. Здесь были раскопаны жилые дома, похожие на те, что найдены на Чейеню Тепеси. На протяжении их существования, отложившегося в двухметровом слое, они перестраивались, следуя одному и тому же плану.

На западной окраине обнаружены постройки особого плана, возводившиеся также на одном месте. Не исключено, что участок, где они находились, был отделен стеной. В этом месте, выходящем на долину, был выкопан глубокий (до 3 м) котлован, так что одна из построек оказалась заглубленной со стороны поселения и открытой вовне. Материалом служил местный известняк. Все сменявшие друг друга сооружения были подпрямоугольного плана со скамьями вдоль стен и нишей в одной из них. В скамьи были вмонтированы прямоугольные в плане стелы, вероятно, опоры кровли. Удалось проследить признаки того, что они были антропоморфными. Быть может, в нише находились скульптуры, которые при перестройках разбивали и монтировали в более позднее сооружение. Такая процедура завершения «жизни» постройки, как мы уже видели, – одна из характеристик обрядово-мифологического комплекса ранних земледельцев.

Облик этих скульптур чрезвычайно примечателен и, безусловно, многое может сказать о мифологических представлениях их создателей. Среди них, насколько можно судить, преобладают персонажи, сочетающие признаки животных и человека или составные фигуры, объединяющие эти существа. Выделяется фрагмент головы женщины, моделированный с необычайной тонкостью. В связи с этой скульптурой автор сомневается в возможности полагать, что постройки особого назначения в Невали Чори предназначались для общения с умершими, мифологизированными предками. Основанием для этих сомнений служит обычай погребения умерших не в этих постройках, а в пределах жилой территории, в то время как в особых сооружениях их обнаружено не было. Следует вывод: скульптуры были носителями сакральной силы божеств-покровителей Невали Чори.

Между тем, если учитывать характер представлений людей того времени, связанных с их общественной организацией, нахождение погребений умерших, членов малых коллективов, в пределах жилой территории и помещение изображений мифологизированных предков всей общины в специальных сооружениях нельзя не признать естественным. Это почитание предков на уровне разных социальных организмов – семей и общины в целом.

Перед тем, как подвести итог анализу построек особого назначения докерамического неолита, вполне уместно обратиться к замечательному памятнику Гебеклы-тепе, которому, как будто, не грозит печальная участь его современников. Телль высотой 15–20 м находится в горах на юго-востоке Турции неподалеку от города Санлиурфа. Уже при обследовании поверхности было обнаружено множество фрагментов мегалитов – скульптур и стел, высота которых достигала 3–6 м, а вес одной превышал 50 т. Т-образные завершения указывают на то, что они, подобно обнаруженным в других вышеупомянутых поселениях, могли служить опорами перекрытий.

Примечателен набор персонажей скульптурных изображений. Это волкоподобное существо, рептилия с зубастой пастью, итифаллические мужские фигуры. Три изображения фаллосов найдены на скале восточнее Гебеклы.

Раскопки многокомнатных построек показали, что эти произведения находились внутри них. В одной из них найдены две стелы, в верхней части которых были изображены два зеркально расположенных льва с раскрытыми пастьми. Как и в других поселениях, остатки старого убранства включались в интерьер сменявших их построек. Так, в этом здании на полу находилась плита с резной фигурой женщины с раздвинутыми ногами, поза и особенности трактовки которой недвусмысленно указывают на обрядовый характер изображения. В другом сооружении обнаружено по крайней мере пять стел. На одной помещены переплетенные изображения, образующие сетчатый узор, под ними – фигура барана; на другой стороне – извивающиеся змеи. Заслуживает внимание стремление совместить в одном поле изображения нескольких животных – быка, волка или собаки и птицы или нескольких птиц, кабана и лисы. Подобные композиции в более позднее время передавали образ мира.

В постройках находились каменные скамьи; полы, покрытые плитами, изготовлены с особой тщательностью. В них не было очагов и признаков хозяйственной деятельности, зато были следы обработки кремня, месторождения которого поблизости не было. Каменные сооружения находились в скалах и за пределами поселения.

Все как будто позволяет заключить, что это место предназначалось для отправления обрядов, а сооружение построек и их внутреннего убранства, безусловно, потребовало больших усилий, по-видимому, значительных коллективов.

Гебеклы-тепе считают горным святилищем окрестных охотников-собирателей, к каковому мнению, судя по тексту (с. 71) присоединяется автор. По мнению исследовавшего его К. Шмидта, их концентрация вокруг этого центра нанесла вред среде и вынудила носителей присваивающего хозяйства обратиться к производящему хозяйству. «Таким образом, некие религиозные воззрения, которые заставляли людей собираться в определенном месте снова и снова, явились базовым фактором для начала неолитизации данного района» (с. 71). Это предположение кажется преждевременным. Для того, чтобы судить, была ли истощена среда в то время, необходимо произвести соответствующие исследования. В существующей же ситуации оно выглядит как подгонка к общей концепции, вызывающей симпатию исследователя.

В то же время известно, что в период существования позднеродовой общины все потребности, которые, разумеется, представляли в мифологизированной форме, заставляли отдельные коллективы поддерживать контакты с соседями. Сама Т.В. Корниенко неоднократно пишет о важной роли обмена как жизнеобеспечивающими продуктами, так и объектами престижного назначения. Не следует забывать и об обмене брачными партнерами. В этих условиях существование многофункционального обрядового центра совершенно естественно.

Завершая анализ интереснейшего Гебеклы-тепе, автор напоминает, что в шумеро-аккадской традиции храм именовался так же, как дом, это был дом божества. Соответственно особенности некоторых построек докерамического неолита, имеющие облик архаичных для времени их существования жилых домов, позволяют Т.В. Корниенко прийти к выводу, что «выдающиеся строения» Халлан Чеми, Жерф эль-Ахмара, Чейеню Тепеси и Гебеклы-тепе служили, как может заключить читатель, обитателями «божеств-покровителей общины». К этому вопросу мы вернемся, проанализировав итоговый раздел главы.

Этот раздел посвящен динамике социально-экономического характера на территории Верхнего Двуречья в ранненеолитическую эпоху. Симптоматична первая фраза: «Выявленное в ходе исследования сходство особенностей возведения символически оформленных общественных зданий Верхнего Двуречья нельзя объяснять только лишь похожими условиями существования Халлан Чеми, Жерф эль-Ахмара, Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебеклы-тепе; наличием поблизости в изобилии подходящего строительного материала» (с. 74–75). Причина усматривается в усложнении социальной структуры коллективов, связанной с важными изменениями в материальной и духовной сфере, и установлении постоянных связей по всему региону. Автор весьма последователен в своих построениях. Цель работы – показать становление храмового хозяйства в Месопотамии, которое, как известно, не существовало без обмена. Поэтому в этом разделе на нем и сосредоточено внимание, в то время как о специфике основ жизнеобеспечения, способах добычи продуктов пропитания, не говорится совсем. Между тем именно избытки земледельческой продукции позволили возникнуть первым государствам Месопотамии.

Такой подход, как представляется, связан с некоторыми изменениями научной парадигмы, произошедшими в конце XX в. Объектом пристального внимания стал обмен. Распространение материалов и изделий на разные, подчас далекие расстояния, стал предметом изучения во мно-

жестве работ. Как свидетельства производства для внешнего обмена автор рассматривает «палочки с насечками» из Халлан Чеми, печати из ранненеолитических (?) памятников, изделия геометрических форм (получившие в литературе наименование «калькули»). Между тем такое назначение этих вещей безусловно. Предметы с насечками делали еще в палеолите, их считают предназначенными для счисления времени. «Калькули» могли служить не только для счета, но быть игральными фишками или чем-то еще. Вообще использование технических средств учета, вероятно, относится все-таки к более позднему времени, чем то, о котором идет речь в начале книги. И систематически оно могло осуществляться не в коллективах с хозяйством, базировавшемся преимущественно на собирательстве и охоте, хотя какие-то способы учета могли существовать и тогда, а на вполне сложившихся земледелии и скотоводстве.

Феномен ранненеолитических оседлых поселений с каменными постройками, в том числе обрядового назначения, был, вероятно, обязан специфическим условиям общественной жизни обитателей горных долин и предгорий Анатолии. (Не исключено, что в будущем будут найдены и многие другие подобные им.) Природное окружение их обитателей было более изобильным, чем то, в пределах которого жили их современники в степях Сирии и Палестины. Охота и собирательство позволяли жить оседло и, наверное, накапливать некоторые излишки, создавать крупные сооружения и способствовали возникновению социальной стратификации. Подобная благоприятная экологическая ситуация имела место, например, на северо-западе Северной Америки или на островах Японии. Другое дело, что существование подобных сообществ не было стабильным в том случае, если природные ресурсы истощались, чего не могло произойти, в частности, в прибрежной зоне океанов. Там, как известно, относительно сложные, но все же архаичные формы оседлых социальных организмов могли существовать чрезвычайно долго.

Автор, подводя итог анализу памятников раннего неолита, фактически ставит Чатал-Хююк в один ряд с восточноанатолийскими и другими, относящимися к докерамическому неолиту. По всему набору характеристик Чатал-Хююк относится к керамическому неолиту, хотя глиняная посуда здесь производит впечатление примитивной по сравнению с другими изделиями. Естественно, объекты сравнения в монографии – изображения обрядового назначения. Т.В. Корниенко недоумевает, как можно связывать с почитанием предков такие разные произведения человеческих рук, как иерихонские и подобные им черепа с моделированными чертами лица, крупные глиняные статуи, вроде найденных в Иерихоне, настенные изображения женских существ в Чатал-Хююке и известняковые скульптуры из Невали Чори (с. 79). Между тем такое разнообразие, как и то, что существует теперь, объясняется историко-культурными традициями, а также одновременностью привлекаемых материалов. Базисным оставалось одно – представление о том, что покровителями семей и родов были прародители. При этом нельзя исключать возможности, что объектами особого внимания по каким-то причинам могли оказываться останки и изображения не только взрослых, но и детей, как это показывает мелкая пластика Чатал-Хююка.

Создается впечатление, что те материалы, которые были выявлены при раскопках поселений докерамического неолита и столь скрупулезно собраны в рецензируемой работе, позволяют отнестись мировосприятие оставивших их людей к некоему переходному периоду. Главной единицей были общины сородичей, обитавших на одном поселении и живших в основном за счет весьма продуктивного присваивающего хозяйства, в котором значительную роль играла охота. В этих условиях в жизни общин была высока роль мужчин. Это нашло отражение в обрядах и, конечно, связанных с ними мифологических представлениях. Поэтому изготавливались итифаллические изображения мифологических существ мужского пола, хищных животных – знаков агрессии, что присуще именно таким обществам. Хотя многие из изобразительных данных демонстрируют доминирование мужского начала, женское также играло значительную роль. В эту пору, судя по изображениям, в отправлявшихся в особые постройки обрядах мифологические существа обоего пола не свидетельствуют о доминировании тех или других. Необходимо также отметить, что некоторые изображения передают образы смешанной зооантропоморфной природы. Это отличает обрядово-мифологические комплексы их создателей от того, что столь выразительно отражено памятниками Чатал-Хююка.

Причиной столь важного места мифологических персонажей женского пола в постройках Чатал-Хююка, как можно предположить, была относительная эмансипация семейных общин от родовых. Объектами почитания в местах их обитания – домах – являлись мифологические праматери. Дом был местом, где протекала жизнь семьи, средоточием ее были женщины. Деятельность мужчин находилась в значительной степени за пределами стен дома, хотя связанные с ними сюжеты и образы обнаруживаются буквально на этих стенах – к ним можно отнести сцены охоты, явно ритуальной, а также каменные фигурки мужчин и мальчиков, вероятно, изображения некоторых животных, среди них – бык. Симптоматично отсутствие в Чатал-Хююке су-

ществ смешанной природы, хотя и женские, и мужские персонажи обнаруживают связи с дикими животными, а мифические женщины предстают как родительницы и людей, и животных. В культурах носителей вполне сформировавшегося производящего хозяйства мир человеческий и тот, что лежит за пределами поселения, разведены с большей, чем прежде, определенностью.

Остается неясным, были ли в Чатал-Хююке сооружения, где могли происходить обряды, направленные на обеспечение благополучия сельской общины в целом. Это характерно и для других поселений керамического неолита. Очень возможно, что общие обряды осуществлялись поблизости от поселения.

Т.В. Корниенко обращает внимание на то, что особенные постройки на некоторых раннеолитических поселениях, где это удалось проследить, находились на окраинах, в промежуточной зоне между «своим» и «чужим» мирами. Это очень интересная особенность. Она показывает, что сообщество сородичей, общины в целом, маркируя границу, противопоставляет себя окружающему миру. Не исключено, что такое же значение придавали обитатели Иерихона пресловутой стене. Иная ситуация в Чатал-Хююке, поселении, как говорилось, более позднего этапа. Здесь в жилых постройках на стены наносили разнообразные изображения, связанные, как становится все более ясным, с циклом жизни семей, а также, возможно, и с общими для обитателей всего поселения представлениями о предках. Стены отдельных жилищ играли здесь ту же роль «мембраны» между «своим» и «чужим», что и постройки особого назначения на более раннем этапе.

Вообще многие признаки раннеолитических поселений предполагают важность коллективных ритуалов, осуществлявшихся в пределах всей общины, будь то постройки с множественными захоронениями, площадки в центре поселения со следами коллективных трапез или такие признаки участия многих людей, как каменные скамьи внутри особых помещений.

Быть может, в связи с памятниками неолита Турции целесообразно обратиться к жизни тех народов, которые на глазах этнографов переживали этап развития. Некоторые признаки сходства обнаруживаются в культуре обитателей, в частности северо-западного побережья Северной Америки. Они жили в столь же благоприятных условиях из-за доступности даров моря, изобилия животных, т.е. благодаря возможности вести интенсивное присваивающее хозяйство. Исследователи отмечают, что тотемизм у них находился на этапе перехода к культу предков. Они изготавливали тотемные столбы, в образах которых сочетались монстры с зооморфными чертами, полубогатвенные предки и люди, изображения животных и т.д. Все они были связаны с генеалогической легендой рода³. Можно ли полагать, что в обществах такого типа существовали представления о богах? Данные этнографии позволяют скорее думать, что не только они, но и их потомки до формирования достаточно сложных социальных структур представляли своих покровителей в виде предков, образы которых сливались с духами природы. Их воспринимали как «отцов» и «матерей». Люди всегда в своих представлениях детерминированы социальными условиями существования. Времена всемогущих богов еще не пришли. Конечно, можно реконструировать верования древних с точки зрения вечности основ верований людей, постулируя и существование прамотеизма. Это вопрос не науки, а веры. Можно полагать, что люди всегда были одинаковы, потому что они рождались, страдали и умирали. Однако вряд ли найдется историк, который заявит, что всегда и везде они это делали одинаково, если, конечно, не говорить о чисто физиологических сторонах этих процессов. Тогда почему же надо думать, что и их представления о мифических покровителях были всегда одинаковы? Е.М. Мелетинский писал, что главными героями архаических мифов являются «люди древности», первопредки, культурные герои. По его мнению, существенно, что они моделируют (в отличие от духов, представляющих стихийные силы природы) самую первобытную общину и при этом слабо сакрализованы. В этих персонажах сконцентрирован мифологический синкретизм искусства, религии и протонаучных представлений. От первопредка – культурного героя идет путь и к героям эпической поэзии, и к божественному благодетелю человечества вроде Прометея, и к богу-творцу высших религий. Он не является всемогущим божеством⁴. Автор же рецензируемой монографии придерживается другой точки зрения: столь тщательно проанализированные ею постройки были жилищами божеств отдельных семей или родов, общины в целом и предположительно более широкого круга населения (с. 84).

Вторая глава посвящена анализу свидетельств существования «культовых построек» севера Месопотамии. Т.В. Корниенко согласна с мнением некоторых археологов, считающих, что переход от докерамического к керамическому неолиту был отмечен общим упадком уровня раз-

³ Аверкиева Ю.П. К вопросу о тотемизме у индейцев западного побережья Северной Америки // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. серия. Т. LI. М., 1959.

⁴ Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику мифа и романа. М., 1968. С. 21–23.

вития раннеземледельческих поселений на всем Ближнем Востоке и в Двуречье в частности. Менее развитыми, по ее мнению, стали социальные структуры. Она напоминает, что существование общественных культовых построек, включая даже эпоху Убейда, подвергается сомнению. Причину этого Т.В. Корниенко усматривает не только в снижении уровня развития социальных структур, но и в широком использовании глины в строительстве. С распространением керамических изделий исчезает настенная живопись и рельефы. «Соответственно символическое выделение особых построек на поселениях становится менее очевидным» (с. 86). Действительно, это так, но почему?

Приобретение большей самостоятельности в пределах родовых общин малых и большесемейных коллективов, повсеместно отмечаемое для эпохи, условно говоря, керамического неолита, вряд ли можно рассматривать как регресс социальных отношений. Очевидно, что полное освоение производящего способа хозяйствования создавало условия относительной (именно так!) независимости малых коллективов, семей. Использование глины, насколько можно судить по Чатал-Хююку, отнюдь не привело к тотальному исчезновению рельефов и стенописей, а посредством орнаментации сосудов образ мира обрел новую форму реализации. Известно, что повсеместно распространяется антропоморфная пластика, использовавшаяся в семейных обрядах. Что касается отсутствия явных признаков существования особых построек на поселениях, то это справедливо только отчасти, как показывает проделанный самим автором анализ. Эпоха мегалитических сооружений на территории Ближнего Востока прошла, но это не значит, что люди прекратили совершать общественные обряды как в пределах поселений, так и вне их. Судя по всему, они стали делать это более экономным образом, не затрачивая огромных усилий на создание крупных сооружений, расходуя энергию более рациональным путем. Именно достижения периода керамического неолита с вполне сформировавшимся производящим хозяйством привели в конечном счете к сложению древнейших цивилизаций.

Широкие исследования отечественной экспедицией поселения хассунской культуры (вторая половина VI тыс. до н.э.) Ярым-тепе I показали, как отмечает вслед за его исследователями Т.В. Корниенко, что на нем могли существовать постройки, отличавшиеся от обычных жилых. В них и около них найдено большое количество погребений. Их оставление и, вероятно, закладка, сопровождалась обрядами, включающими принесение в жертву животных и оставление ценных вещей. Эти свидетельства, однако, могут указывать и на то, что обряды совершали в жилых домах и около них, а обитатели их различались социальным статусом. Совершение обрядов при строительстве, обновлении и оставлении жилищ – широко распространенная традиция, зафиксированная как в неолитических, так и энеолитических поселениях.

Чрезвычайно выразительные их следы обнаружены недавно на юге Туркменистана в Илгынлы-депе⁵. Эти жилые сооружения служили и для отправления обрядов, участниками которых, судя по многим признакам, могли быть члены нескольких семей. Здесь, как и в Чатал-Хююке, удалось проследить, что сооружения подвергались форменному захоронению. Изображения на стенах замазывали или, аккуратно сняв, складывали на пол, фигуры антропоморфных изображений обезглавливали, внутри помещений разводили огонь и т.д. Такие же признаки «смерти» и «возрождения» построек особого назначения обнаружены, как уже говорилось, и в раннеолитических памятниках юго-востока Турции. Несомненно, всякое постоянное жилище с самого своего возникновения не могло не окружаться обрядами на протяжении своего создания («рождения»), существования («жизни») и разрушения («смерти»).

Тщательно собранные автором данные показывают, что выявление признаков особых сооружений в неолитических поселениях – отнюдь не безнадежное дело. Она полагает, что обряды в них были связаны с культом всеобщего плодородия. Разумеется, плодородие, продолжение жизни, обеспечение здоровья, обилие продуктов питания всегда были важны. Хотелось бы только подчеркнуть, что субъектами этого культа были семейные общины, а обряды отличались сходством в пределах поселения или группы поселений, но обладали некоторыми отличиями, поскольку были связаны с конкретными особенностями жизни семейных общин и их членов.

Самаррская культура, вне всяких сомнений, представляет очень важный этап в генезисе шумерской цивилизации. К сожалению, единственным памятником, содержащим более или менее полную информацию об этой культуре, и, в частности, о постройках, является Телль эс-Савван, стратиграфия которого остается не вполне ясной. Это поселение было окружено рвом и валом. В нижней его части засвидетельствованы многочисленные захоронения, наводящие на мысль о

⁵ Соловьева Н.Ф. Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгынлы-депе). Автореф. канд. дис. СПб., 2005.

существовании какого-то необычного «некрополя». На определенном этапе появляются многокомнатные постройки Т-образного плана, служившие, как полагает автор, хранилищами; между зданиями делалась вымостка; на открытых участках располагались гончарные печи и те, в которых пекли хлеб.

Автор, смелости которого следует отдать должное, предлагает свою интерпретацию этого сложного и в целом неудовлетворительно раскопанного памятника. При основании поселения его территория была окружена рвом. При этом были совершены детские захоронения и «мнимы» (которые в археологической литературе принято называть «кенотафами»), т.е. не имеющие человеческих останков, но содержащие характерный для погребений инвентарь. Все это Т.В. Корниенко рассматривает как экстраординарное жертвоприношение в момент основания поселения. Цель его ясна – будущее благополучие обитателей. Эта сакральная территория стала центром поселения, где были сооружены складские помещения, печи разного назначения и т.д. Позже она была обнесена глинобитной стеной.

Можно посочувствовать автору, предпринявшему попытку интерпретации материалов столь яркого, но плохо изученного памятника. В частности, неясно, существовала ли застройка за пределами тем или иным способом ограниченного пространства. Скорее всего, постройки Т-образного плана с центральным помещением и обрамлявшими его меньшими были жилыми; в них находились и хранилища. Вероятно, некоторые из них, в частности то, где были найдены многочисленные погребения детей, играли особую роль. Быть может, их обитатели возводили свою генеалогию к предкам-первопоселенцам. В таком случае захоронение в таких постройках умерших детей могло служить гарантией новых рождений: эту цель в традиционных обществах Востока преследовали, помещая останки в пределах жилого пространства.

Занимало ли это поселение центральное место среди окружающих? Едва ли можно говорить об этом с уверенностью, не имея представления ни об одном из этих окружающих поселений. И вряд ли эта и многие другие проблемы прояснятся в ближайшем будущем из-за войны, которая уже принесла столько бед людям и древней культуре страны, где возникла, быть может, самая древняя цивилизация на Земле.

Независимо от назначения рассмотренных построек хочется присоединиться к мнению исследователей (см. с. 109 рецензируемой работы), полагающих, что трехчастные планы шумерских храмов могут восходить к самарскому, подтверждения чему обнаружены при охранных работах в долине Диялы. Совершенно иными были сооружения халафской культуры, отчасти современной хассунской и самарской.

Район ее распространения – Ассирийская степь, а влияния, выражавшиеся в широком распространении великолепной керамики, простирались от средиземноморского побережья до северо-запада Ирана. Ее поселения стали исследоваться с 1930-х годов, но до сих пор они изучены недостаточно для того, чтобы судить об их планировке и возможности существования построек, имевших особое значение для обитателей поселения. Все же некоторые данные есть, и Т.В. Корниенко тщательно собирает имеющиеся свидетельства.

Они появились уже при раскопках Телль-Арпаччи, где в центральной части, по мнению руководителей раскопок, находились выделявшиеся размерами постройки круглого плана («толосы»). Около них обнаружены признаки совершения обрядов – ямы с глиняными антропоморфными статуэтками, фрагментами расписных сосудов и погребениями. Все это склонило археологов к предположению, что толосы были святилищами, связанными с культом «богини-матери». Автор монографии считает, что эти постройки можно рассматривать как «исключительные» для халафского периода. Однако не меньшего внимания заслуживает так называемый «сгоревший дом», многокомнатная постройка прямоугольного плана. Кроме свидетельств изготовления каменных орудий здесь были найдены фрагменты каменных и глиняных сосудов, каменные антропоморфные статуэтки и другие вещи, которые клали и в погребения. Т.В. Корниенко упоминает мнение Дж. Отс, обратившей внимание на признаки церемоний ритуального разбивания выдающихся по качеству сосудов и то, что они несли следы воздействия огня. Здесь же обнаружены знаки хранения и учета – печати и их оттиски на глиняных яйцевидных «буллах», прикреплённых к веревочным узлам. Эта постройка, по справедливому заключению автора, имеет признаки многофункционального назначения «сгоревшего здания». Важно отметить, что в ней были сожжены и захоронены многочисленные вещи и никаких признаков его гибели в результате захвата поселения врагами не отмечается. Вероятно, перед нами еще один случай ритуального «захоронения» сооружения.

Как и во всех раннеземледельческих поселениях, характерно внимание к останкам умерших. Особыми объектами почитания были головы или черепа. Именно в захоронении нескольких черепов была найдена чаша с многофигурными изображениями. Здесь и сцена гибели человека

на охоте, и защиты его «сотоварищем» от хищника, и вероятный момент погребального действия, и имеющие значимую перспективу на памятниках Месопотамии изображения людей у суда, бычьих голов, змей и крестообразных фигур, безусловно указывающие на представления о мире (с. 115–118).

Вероятно, как справедливо полагает автор, Арпачия была центром округа, ритуальным и хозяйственным. О том, что здесь производили посуду, в том числе для обрядового использования, специально для обмена, свидетельствуют многочисленные факты. Так, на основании анализа керамики Тепе-Гавры удалось установить, что значительная часть ее была изготовлена в Арпачии, в 25 км от нее (с. 118).

Конечно, для целей такого исследования, к которым относится рецензируемая работа, в первую очередь представляют интерес данные систематических раскопок. Среди немногочисленных поселений такого рода – Саби Абьяд в долине р. Балих. Автор обращает особое внимание на материалы так называемой «сгоревшей деревни», существование которой авторы раскопок относят к самому концу VI тыс. до н.э. Здесь в постройках круглого и прямоугольного плана были найдены не только предназначавшиеся для ритуальных действий глиняные фигурки женщин и быков с признаками специального разрушения, но и знаки учета (уже упоминавшиеся «калькули») и множество печатей и их оттисков. Судя по фрагментам, на крышах некоторых домов находились глиняные изделия с смонтированными костями животных, возможно, условные изображения этих животных. Автор полагает, что все найденное в этих помещениях, как и в «сгоревшем доме» Арпачии, вместе со знаками учета, наряду с обрядовыми действиями было призвано «защищать и способствовать приумножению содержимого помещений – хранившего там имущества, принадлежавшего коллективу или коллективам общинников» (с. 122). Вопрос о том, почему эти постройки сжигали, автор не рассматривает.

Много свидетельств обрядовых действий было обнаружено при раскопках отечественной экспедицией поселения Ярым-тепе II в районе Мосула. Эти материалы были неоднократно опубликованы в нашей стране и за рубежом, поэтому мы лишь кратко на них остановимся. При постройках жилищ совершали закладные жертвы: в углубления помещали фрагменты разбитых сосудов, каменные орудия, украшения. При этом некоторые вещи несут следы действия огня. Специально были разбиты замечательные явно ритуальные сосуды в виде фигур женщины и зооморфного существа вроде свиньи. В древнейшем слое Ярым-тепе II, отмеченном признаками особенно активной обрядовой деятельности, на одном участке найдены и захоронения обожженных человеческих останков – обряд, который, как засвидетельствовано раскопками, в дальнейшем не практиковался.

Обобщая данные о «культовых постройках» халафского времени, автор констатирует, что наиболее полные материалы были получены на Арпачии и Ярым-тепе. Именно здесь, по имеющимся сведениям, обнаруживается картина «развития долговременных халафских поселений, важным элементом которой бесспорно являлся идеологический фактор» (с. 129). Против этого нечего возразить. «Идеологический фактор», т.е. совершение действий обрядового характера, присущ работам по сооружению жилищ, не говоря уже о действительно сакральных постройках, во всех традиционных обществах. Конечно, их следы не всегда затрагиваются раскопками или легко распознаются. Многочисленные примеры обрядов, связанных со строительством и существованием жилых сооружений, прекрасно изучены у восточных славян (они собраны, в частности, в чрезвычайно полезной для всех, кто исследует образ жизни оседлых коллективов, работе Байбурина⁶).

Даже неполная исследованность поселений халафской культуры не позволяет усомниться в том, что среди их обитателей были семейно-родовые коллективы, более, чем другие, близкие к прародителям. Они в максимальной степени являлись средоточием «идеологического фактора». Члены этих коллективов играли роль социальных лидеров, что проявлялось во взаимосвязанности обрядовой и хозяйственной жизни. Неудивительно, что в постройках, которые, насколько можно предполагать, были их жилищами, обнаруживаются признаки особенно интенсивной производственной деятельности, хранилища, по всей видимости, общественные, со знаками учета.

В халафских поселениях, как и в других неолитических и, можно думать, энеолитических поселениях, прослеживаются признаки отношения к жилищам, как к живым существам. Они сопровождают обрядами все поворотные моменты существования своего социума, отдельных людей, мест своего обитания. «Переходные обряды», хорошо изученные во многих традициях, строятся по одной модели, в которой образы рождения и смерти взаимосвязаны и воспринима-

⁶ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

ются как равно необходимые. Эти образы фигурируют и в сезонных обрядах, о деталях которых в дописменных культурах можно судить по погребениям и ритуальным захоронениям, в том числе построек и, возможно, следам экстраординарных обрядов, совершавшихся в ямах. Здесь находят захоронения обожженных останков людей и разбитые сосуды. Примечательно частое использование огня – стихии, с помощью которой достигали полного уничтожения для перехода к новому состоянию.

Последняя глава книги посвящена убейдской эпохе конца VI – первой половины IV тыс. до н.э. Это было время, когда, по многим признакам, формировалась шумерская цивилизация, что всегда привлекало к ее памятникам особое внимание не только археологов, но и исследователей письменных текстов. Автор, как и всегда на протяжении работы, тщательно описывает данные раскопок Эреду, остающегося ключевым памятником для изучения генезиса храмовой архитектуры Месопотамии. Столь же тщательно анализируются сооружения Урука и Тепе-Гавры.

Последний памятник располагается вне коренной убейдской территории в северной части Месопотамии. Безусловно, здесь в слое XIII были обнаружены постройки особых планов. Однако можно ли эти три, образующие так называемый «акрополь», считать храмами? Ряд соображений, на которых здесь нет возможности останавливаться, показывают скорее, что они или были разновременными, или, если существовали одновременно, предназначались для разных, хотя и взаимосвязанных целей. Впрочем, их общественное назначение вряд ли может вызывать сомнения. Раскопки этих памятников, как и Эреду, дали в свое время много важнейших материалов. Данные этих довоенных раскопок давно вошли в научные, учебные и популярные издания. То, что в Эреду на протяжении многих веков на одном месте соорудили храмы, по письменным свидетельствам посвященные одному из главных богов Энки, вряд ли может вызывать сомнения.

Заслуживают большого внимания памятники, исследовавшиеся в ходе охранных работ при сооружении плотины в среднем течении р. Дияла, одном из регионов распространения самаррской культуры. Примечательно, что здесь раскопаны постройки трехчастного плана, причем на некоторых поселениях очень сложные. В одном из них, исследованном на Телль-Абаде, были найдены явно неординарные вещи: предполагаемые знаки учета, каменные сосуды, символы высокого социального статуса (каменные навершия булав). Эти вещи предполагают, что обитатели сооружения или те, кто нес ответственность за его функционирование, обладали высоким статусом.

Завершая анализ сооружений убейдского периода, каким-то образом связанных с обрядовыми действиями, автор отмечает, что это было время предцивилизации. В самом деле, освоение нижней части Месопотамии с ее болотистыми почвами, хотя и плодородными, требовало усилий больших коллективов. Вряд ли обитатели одного поселения могли справиться с проблемами отведения излишков воды в нужном направлении, на поля, дававшие в результате этих усилий огромные урожаи. Нет сомнений, что в убейдское время создаются объединения общин, территориально небольшие, но достаточные для того, чтобы поддерживать хрупкую систему орошения (известно, что и ранние «города-государства», «номы», по терминологии И.М. Дьяконова, были очень небольшими).

Такие объединения должны были иметь центр средоточия функции управления, которая в то время не могла не быть сакрализованной. Эти центры уже и сами представляли собой сообщества людей, объединенных не только родственными, но и территориальными связями. Им были необходимы знаки единства более высокого уровня, чем образы семейно-родовых покровителей. Примечательно, насколько меняется облик и этих последних, фигурки которых продолжают помещать в могилы. Это не сидящие женские и редко мужские персонажи, а стоящие худощавые существа. Некоторые из них несут признаки обоих полов, а также черты животных. Мужчины, кроме того, иногда держат в руках знаки власти – булавы.

Т.В. Корниенко вполне правомерно обращает внимание на сходства между убейдской культурой и гхассульской, существовавшей почти одновременно с ней в Палестине. Носители последней обитали в зоне сухих субтропиков, поэтому помимо поселений здесь удалось обнаружить и то, что автор именует архаичными храмовыми сооружениями. Они свидетельствуют о совершении ритуальных действий не только на поселениях, но и за их пределами. Сохранившиеся в пещерах ритуальные вещи показывают, что, вероятно, эти святилища обладали немалыми сакральными сокровищами, в том числе, возможно, изображениями духов или богов. Ритуалы, отправлявшиеся в них, должны были служить благу не только семейно-родовых общин, как это многократно зафиксировано на поселениях Месопотамии и соседних областей, но более крупных коллективов. Гхассульские «святилища» неслучайно обратили на себя внимание многих ученых, в том числе исследователей Месопотамии.

Итак, в убейдское время появляются святилища, храмы, вокруг которых концентрировалась жизнь групп обитателей объединенных общей жизнью поселений. И тут возникает вопрос, кого же там почитали?

Т.В. Корниенко пишет о давно существующих концепциях, в соответствии с которыми древние божества «месопотамцев» не имели визуально антропоморфного облика, будучи сращены с явлениями природы, которые они олицетворяли. Однако, считает она, теперь, с открытием святилищ докерамического неолита, мы имеем скульптурные изображения, в том числе антропоморфные, весьма вероятно, служившие изображениями божеств. Их перестали изображать в период трансформаций материальной и духовной жизни с наступлением керамического неолита (того упадка, о котором уже шла речь). Позднее все это возрождается в виде стел, маркирующих сакральное пространство, и пилястр, столь характерных для храмовых построек Месопотамии. В связи с этим она приводит тексты времени Гудеа, в которых стелы наделяются именами (с. 169–170). Упоминает она также и условные изображения храмов на памятниках урукского времени, которые имели вид связок тростника. Она считает их украшенными стелами или столбами, по-видимому, каменными. Существование их представляется маловероятным при учете того, что обитатели низовой Месопотамии не располагали в раннее время таким количеством камня, чтобы сооружать из него стелы и другие конструкции, как это стало возможным благодаря обмену позднее, что и нашло отражение, в частности, в текстах времени Гудеа. (Уже давно отмечалось, что детали декора ранних храмов могли восходить к особенностям тростниковых построек, которые, по наблюдениям путешественников прошлого века, в болотистых районах Ирака могли быть весьма внушительными. Это так называемые «гостевые дома» общественно-го и престижного назначения, соорудившиеся старейшинами селений.)

Отдавая должное эрудиции автора, мы все же берем на себя смелость не согласиться с ним в «перекидывании мостика» между, как нам кажется, изображениями родовых зоо- и антропоморфных покровителей обитателей докерамического неолита юго-востока Турции и образами покровителей создателей «протоцивилизации» эпохи Убейда, тем более, что храмовая скульптура как этого, так и даже более позднего времени вплоть до раннединастического, не известна. Нет оснований заключить, что в это время изображали богов, если не считать таковыми глиняные убейдские фигурки. Однако в отношениях к олицетворениям сил природы, вероятно, происходят существенные перемены. Неизвестно, существовали ли в Месопотамии того времени святилища, подобные гхассульским (а носители этой культуры не были столь прочно, как убейдцы, привязаны к своим поселениям, они были не только земледельцами, но и подвижными скотоводами). Повелителей сил природы стали почитать в постройках, сначала таких же, какие имели социально выдвинутые семьи, а затем в превосходящих их по масштабности. Эти божества, символизировавшие единство территориальных объединений, становятся их хозяевами. Для них со временем станут взимать налоги, их именем будут побуждать людей сооружать каналы и различными способами пока стимулировать, а затем и принуждать их отдавать часть результатов труда.

По мнению Т.В. Корниенко, традиции «жилищ-святилищ» докерамического неолита с их символическим оформлением пережили века и тысячелетия. «Постепенно с установлением преобладания территориального принципа социальной организации над кровнородственным представлением о сакральном центре мироздания переносятся из родовых домов-святилищ на общественные сооружения религиозного назначения – “жилища божеств”, в места обитания сверхъестественных покровителей общин и территорий ими освоенных» (заключение, с. 175). Конечно, древние традиции живут долго. Но можно ли с уверенностью утверждать их сохранение в условиях существенно изменившегося образа жизни, хозяйства от докерамического неолита обитателей предгорий и горных долин Анатолии до тех, что освоили долины великих рек и создали цивилизацию? Кажется, что разрывы были неизбежны. Однако ни первая, ни вторая точки зрения пока не обеспечены необходимыми фактами, оставаясь в значительной степени интуитивными предположениями.

Монография «Первые храмы Месопотамии» – важное исследование. В нем не только представлены и обобщены материалы многочисленных работ, что особенно важно, последних десятилетий. Автор стремится создать целостную картину возникновения и развития построек особого, сакрального назначения, при этом прослеживает их специфические особенности не только в диахронии, но и в синхронных, и в близких по времени памятниках. Все это позволяет представить сложности путей развития древних культур, не сводить их к единой схеме, как это было еще относительно недавно, до открытия неожиданно новых и своеобразных памятников. Наверное, будущие раскопки не раз заставят исследователей удивляться и будут нарушать сложившиеся представления.